

ХРИСТИАНСКАЯ МЕТАФИЗИКА ВЛАСТИ В ТРУДАХ Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВА

Исторически современный конфликт власти и культуры возник в Европе в начале Нового времени, когда Запад, пройдя путь от французских легистов Филиппа IV до Макиавелли, пришел к идее десакрализации власти. Современность — в лице Макса Вебера — дала итоговую формулировку задачи, которую должна решить в этом отношении культура: необходимо «расколдовать» власть. Однако, довольно рано выяснилось, что трактовка природы власти на основании «естественного права» и «общественного договора» порождает проблемы: что, собственно, позволяет субъектам договорных отношений постулировать законы, быть суверенами? Если таковых оснований нет, то любой другой субъект вправе заключить другой договор. Восполнить односторонность псевдорационального решения проблемы власти на Западе пытались, начиная с Руссо, на разных путях, но, как правило, получалось лишь создание противовеса в виде другой односторонности (например — волюнтаризм Ницше). Характерна особая значимость темы власти для современного французского постструктурализма: именно на этой территории он дает бой реликтам рационализма¹.

¹ Основные западные концептуальные модели власти представлены в следующих работах: *Ледяев В. Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001; *Сапронов П. А.* Власть как метафизическая и историческая реальность. // СПб., 2001; *Власть. Очерки современной политической философии Запада.* М., 1989.

В российской культуре (не только политической) возобладала иная тенденция: идея демифологизация власти оказалась чуждой, внешне была сохранена верность византийскому принципу «симфонии властей», но постепенно был утрачен смысл этого принципа, и, на свой лад, воспроизвелась формула Нового времени: власть как институт стала выше веры и церкви. Поэтому и Восток вынужден был искать замену обессилевшей мифологии власти, находя, так же, как и Запад, лишь ту или иную инверсию исходной модели. Однако последняя треть XIX века была для русской мысли временем новых решений, обозначивших выход из тупика. Для разгадки феномена власти особенно много сделала чичеринская философско-правовая школа¹, об одном из представителей которой здесь пойдет речь.

Но вначале — несколько слов об архетипах, с которыми столкнулись философы этого направления. Некоторые особенности отношения к власти в русском обществе легко обнаружить даже при самом общем взгляде. Характерно отчуждение индивидуума и общества от структур власти. Вплоть до сегодняшнего дня власть для русского человека это — «они»; это — кто-то, распоряжающийся его жизнью и свободой. Причастность к политическим решениям плохо осознавалась в России даже тогда, когда не было непосредственных препятствий к социальной активности. В результате социум распадался на пассивную плохо организованную массу и практи-

¹ Основатель направления — один из крупнейших правоведов России, общественный деятель либерально-консервативного направления, философ-гегельянец Б. Н. Чичерин (1828–1904). Среди его прямых учеников и последователей — П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, Б. А. Кистяковский, И. А. Ильин. Учение этой школы о ведущей роли государства и правовых форм в истории культуры и в жизни общества оказало большое влияние на русскую политическую и философскую мысль начала XX века.

чески неконтролируемую группу обладателей власти. Социальный пассив тяготел к общинной неполитической организаций, к коллективизму, который не столько прививал идеал соборности или воспитывал чувство братской солидарности, сколько внушал чувство рабской зависимости и от власти, и от общины. В этих условиях почти невозможно было зарождение гражданского общества, которое на Западе стало со временем основным субъектом социального прогресса. С другой стороны, социальный активная часть общества тяготела к бюрократической организации, которая, в конечном счете, направляла свою энергию на осуществление собственных интересов, зачастую парализуя реформаторскую волю правящей верхушки. В народном сознании эта ситуация отразилась в восприятии власти как сакрально нечистой силы, несущей на себе печать проклятия. Власть или принимали как злое средство для хороших целей, или отвергали как источник греха.

Греховность власти — одна из фундаментальных, хотя и не всегда явных интуиций русской культуры. Попытки выйти за ее пределы приводила обычно к поляризации на установки, отличающиеся политической направленностью, но сходные своей социальной бесплодностью. Например, утверждались анархические идеалы или же, напротив, рабское преклонение перед иерархией чинов. Власти приписывалось право руководить всеми духовными процессами общества, включая жизнь церкви, или же, напротив, власть считалась чисто секулярной силой, не имеющей отношения к проблемам духа. Стремление избежать того выпадения из истории, которое было следствием переживания греховности власти, часто оборачивалось идеей мессианского призвания России. А эта идея, в свою очередь, нередко эволюционировала от романтической утопии к практике

империалистической экспансии. К числу наиболее характерных особенностей русского менталитета, пожалуй, относится так называемое «неприятие мира», то есть отказ от оправдания мирового порядка и истории в рамках самого этого посястороннего мира. Спектр этого неприятия был достаточно широким: от пассивного ухода во внутренний мир — до бунта, от иронической отстраненности романтиков — до эсхатологических ожиданий мистиков. Но объединяющим чувством было ощущение метафизической неполноценности и моральной несостоятельности этого мира. Возникал вопрос: «Стоит ли вообще что-либо менять или улучшать, если само бытие окружающего нас мира есть источник зла?» В то время, как западная традиция видела во власти средство исправить поврежденный грехом мир, русская традиция саму власть воспринимала как следствие грехопадения. Русское политическое сознание отличается также пренебрежением к формально-юридической стороне социальной жизни, и это — одна из самых устойчивых его черт вплоть до сегодняшних дней. Негативная реакция на попытки пореформенных либералов установить формальные гарантии прав была столь же сильной, в «низах», как и в «верхах», что говорит о каких-то серьезных основаниях этого сопротивления.

С конца XIX в. в интеллектуальной культуре России происходит радикальный поворот в отношениях к власти. Возникают новые типы как либерального, так и консервативного сознания, которые видят в религии, национальном сознании и реформах не врагов, а союзников. Носителями этого сознания было понята необходимость метафизического обоснования власти. Проблема, однако, заключалась в том, что в западноевропейской культуре Нового времени мыслители старались обосновать статус власти

на понятиях индивидуальной свободы и «естественного права», в то время как русская культура основывала его на религии. Трудности возникали в обоих случаях. Западная мысль сделала свой выбор, поскольку была обеспокоена тем, что в результате противоположной установки может возникнуть отчуждение власти от личности. Российская же мысль боялась того, что без священных санкций власти возникнет угроза субъективной интерпретации и релятивизма. Но оба пути были чреваты опасностями: в одном случае утрачивался Бог, в другом — терялся человек. Новое направление отечественной философско-правовой мысли преодолело дуализм земного и небесного и высветило ошибку русской политической культуры, выявившуюся в попытках сделать субъект власти абсолютным центром господства и, в конечном счете, обожествить его¹. В результате возникли новые подходы к пониманию сущности власти. Им свойственно осознание особого призвания философии в решении этой задачи; идея общественного осуществления власти, то есть своего рода «мистического плюрализма»; идея особого долга власти взять на себя бремя греха во имя борьбы с грехом; идея власти как служебной, а не доминирующей силы.

Плодотворность этого теоретического направления была обусловлена стремлением «дешифровать» и понять (следовательно, в каком-то смысле, — оправдать) методами философского анализа превращенные формы традиционных для России религиозно-политических мифов. Предыдущие же попытки мыс-

¹ См. об этом обстоятельное исследование: *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России. // В кн.: *Успенский Б. А.* Избранные труды. М., 1994. Т. I. О попытках секулярной эксплуатации религиозных интерпретаций власти см.: *Андреева Л. А.* Религия и власть в России. М., 2001.

лителей разных ориентаций¹ сводились к стремлению вытеснить или дезавуировать эти мифы.

Обратим внимание на концепцию власти Б. П. Вышеславцева в статье «Проблема власти» и во фрагменте большой работы «Кризис индустриальной культуры»². Вышеславцев в «Проблеме власти» — ссылаясь на библейские источники — изначально формулирует антиномию. В Ветхом и Новом Завете он, с одной стороны, отмечает резкую критику властей вообще, сверху донизу, а, с другой стороны — утверждение о том, что власть имеет божественный источник: Христос есть царь, Бог-Отец — это Бог-Вседержитель, то есть тоже царская власть. И, наконец, — знаменитые слова Апостола Павла о том, что всякая власть от Бога. «Власть существенно антиномична: она есть позитивная и негативная ценность, она “от дьявола” — и она же “от Бога”»³. Однако это говорит о том, что перед нами нечто большее, чем противоречие: ведь установление антиномии есть признак подлинного откровения, подлинной философии, и это потому, что и сам Бог есть единство противоположностей. «Смысл христианства,

¹ Свое понимание типологии русской метафизики власти автор данной статьи представил в следующих работах: Комментарий. В кн.: Белый царь. Метафизика власти в русской мысли. Хрестоматия. М., 2001. С. 517–571.; К публикации фрагментов книги Франка С. Л. «Духовные основы общества». Альфа и Омега. 1998. № 1(15). С. 169–175; *Das Individuum als Trager der Macht: Destruktion der Ideale.* // In: *Miscellanea Mediaevalia.* Bd. 24. *Individuum und Individualitat im Mittelalter.* Berlin/New-York, 1996. S. 588–560; *Metaphysik und Herrschaft: die russische Idee als Ursprung einer Kultur des autoritaeren Denkens und Handelns.* Studies in Soviet Thought. 1992. 44.

² Статья «Проблема власти» из сборника «О Вечном в русской философии» цитируется по кн.: *Вышеславцев Б. П.* Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 203–213. Рассуждения о власти в «Кризисе индустриальной культуры» (в кн.: *Вышеславцев Б. П.* Сочинения. М., 1995) извлечены из отдела 3. Гл. 15. С. 339–365.

³ Цит. соч. С. 205.

смысл великой религии, состоит в том, что она переживает и разрешает глубочайшие противоречия, глубочайшие трагизмы бытия»¹.

Вышеславцев фиксирует два неправильных решения этой антиномии. Одно — это взгляд на власть как на нейтральный инструмент, который можно использовать в хороших целях (и тогда власть хороша) и в плохих целях (тогда она плоха). Но Вышеславцев подчеркивает, что при таком решении нет трагедии и тайны власти; слишком плоско представляется нам социальная ситуация мира, тогда как христианство проводит линию размежевания по обществу в целом, а не только между хорошим и плохим. «Символ власти — меч («начальник носит меч не напрасно»), и Христос говорит: вложи меч твой в ножны, взявший меч от меча погибнет. Этими словами установлено внутреннее противоречие меча, этому орудию нет места в Царствии Божиим — однако Царство опирается на меч. Если всякая власть есть принуждение, то ясно, что принуждению нет места в Царстве Божиим; и, однако, всякое «Царство» есть власть и, следовательно, принуждение»².

Второе ошибочное решение построено на смешении смыслов слова «власть». Поэтому, по Вышеславцеву, необходимо устранить из антиномии потустороннее, мета-юридическое понятие «Царства Божия» и власти Богочеловека. Царство Божие — не антиномично, но, напротив, решает антиномию. Власть же мира сего антиномична и, в отличие от Царства Божия, неизбежно раскалывается на утверждение и отрицание, на тезис и антитезис. «Вопрос шел о князе мира сего, о власти Пилата («власть имею распять тебя и власть имею отпустить тебя»), о вла-

¹ Цит. соч. С. 206.

² Цит. соч. С. 207.

сти начальника, который «носит меч не напрасно», о власти в тесном и буквальном смысле. Такая, и только такая, власть существенно антиномична, ибо сам Логос ее утверждает и отрицает, как было показано выше. Она «от диавола», ибо распинает, — и она «от Бога», ибо «дано тебе свыше»¹.

Ошибка эта, отмечает философ, необычайно ин-структивна и влиятельна — она имела огромное влияние в истории и повторяется до наших дней. Святость власти, святость монархии пытаются доказывать тем, что Бог есть Царь и самодержец, и абсолютный монарх; земная тирания есть отражение небесной тирании. Но ведь земное царство в Библии рассматривается как отпадение от Небесного Царя, измена Ему, — а восстановление Царства Божия рассматривается как упразднение земных властей; *затем конец, когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу* (1 Кор. 15, 24)².

Вышеславцев отмечает то удивительное свойство, что величайшее зло необходимо принимает форму власти, тогда как величайшее добро никогда не принимает форму власти³, и на этой основе предлагает решить антиномию. Вышеславцев полагает, что надо различать два типа власти. «Власть, которая “от Бога” и получает религиозное оправдание, есть власть служебная, она служит правде и справедливости. Власть «от диавола» должна быть названа господской (или «похотью господства» по выражению Августина) в силу того, что она никому и ничему не служит, напротив, — всех заставляет служить себе»⁴. При каких условиях власть может получить освящение свыше?

¹ Цит. соч. С. 208.

² Цит. соч. С. 209.

³ Цит. соч. С. 210.

⁴ Там же.

«Христианское решение состоит в установлении иерархии ценностей: власть является ценной, когда служит правде и справедливости. Справедливость и право ценны, когда служат высшему общению любви и делают его возможным. При этих условиях власть получает освящение свыше. Напротив, власть действительно принадлежит дьяволу, если вся иерархия ценностей извращается: власть никому и ничему не служит, кроме самой себе, и притом служит всеми средствами зла, не признавая над собой ничего высшего»¹.

Но почему, спрашивает мыслитель, если высшее зло необходимо принимает форму власти, то высшее добро не соглашается принять форму власти? («Между вами да не будет так!»). Ответ в том, что в подчинении всегда заключается замена моей воли и свободы чужой волей и свободой, замена моего «Я» чужим «я». Здесь, по Вышеславцеву, скрыта не только религиозная антиномия, но и правовая. Этот аспект он специально анализирует в «Кризисе индустриальной культуры», в разделе, посвященном «неосоциализму» и «неолиберализму». Ссылаясь на формулировки Фихте, Вышеславцев так выражает суть правовой антиномии: защита правовой свободы требует власти и принуждения, — и, однако, в принципе подлинная свобода отрицает принуждение. Решение правовой антиномии в том, что борьба с правонарушением есть нечто этически необходимое, с чего следует начать, но на чем нельзя остановиться: необходимо перейти к воспитанию самостоятельности личности. Это осуществляется в семье, и то же повторяется в развитии от патриархального самодержавия к либеральной правовой демократии, когда народ и личность впервые могут сказать «я сам» и «мы сами».

¹ Цит. соч. С. 211–212.

Характерно, что в «Кризисе индустриальной культуры» Вышеславцев не обходит опасный вопрос: на каком основании «самость», даже будучи плодом длительного воспитания законом, имеет право быть окончательной инстанцией. Он даже заостряет его, утверждая, что «самость выше закона». Это «сверхъестественное» право принадлежит личности «в силу ее Божественного происхождения, в силу того, что в ней светит свет Логоса». Сама по себе демократия не может сберечь эту «самость», но дело в том, что западная демократия вырастает из христианской этики. «Христианская идея справедливости – иная, чем идея справедливости до-христианская и вне-христианская. Первая утверждает порядок равноценности индивидуума и общины; вторая утверждает, что личное благо всегда приносится в жертву общему благу»¹. С этой точки зрения тоталитаризм представляется автору регрессивной, «архаической» формой власти, не имеющей преемственности с демократией и лишь укравшей ее передовые технологии, которые, как таковые, могут возникнуть только в свободном обществе.

Ограниченность социальных функций демократии отмечает автор и в «Проблеме власти». Современная демократия «при помощи сложной и хрупкой правовой организации» сводит опасность произвольной власти, или «похоти господства», к абсолютному минимуму, так что власть в этих границах получает полное и добровольное признание подданных, как служебная и организационная функция, облегчающая им жизнь. «Тем не менее, – оговаривается Вышеславцев, – власть всегда остается некоторым соблазном для человека, и борьбу за власть мы можем наблюдать во всяком парламенте; но и она может

¹ Цит. соч. С. 360.

быть превращена в отбор лучших и наиболее способных»¹.

Именно анализ правового и социального фундамента власти проясняет, как можно найти основание для решения религиозной антиномии власти. В «Проблеме власти» автор указывает: «В силу всех этих недостатков чисто властных отношений становится очевидной высшая ступень общения между людьми, которая возвышается над властью, правом и государством, но на фундаменте этих последних. Эта ступень высшего общения вовсе не есть утопия анархизма: она знакома каждому и встречается на каждом шагу как духовное общение людей в сфере науки, искусства, религии, дружбы, любви. Именно эту ступень общения разумел Христос, когда говорил: вы уже не рабы Бога Отца, но сыны и друзья. Ее же разумел Апостол Павел в своем учении о гармоническом общении как восполнении даров и о “познании всех тайн премудрости и ведения сердцами, соединенными в любви”. Что здесь указывается *Путь, истина и жизнь* для всего человечества, а не только для обособого, отдельного общества в мире, называемого “церковью”, представляется по духу христианства несомненным, хотя бы христианским церквам, как они образовались в истории, представлялась ведущая и учительская роль в этом направлении»².

Указывая на общие принципы, раскрывающие религиозный, философский, этический и правовой смысл власти, Вышеславцев отмечает, что эти принципы в общем совпадают, и видит в этом убедительное доказательство того, что философия является частью христианской культуры³.

¹ Цит. соч. С. 213.

² Там же.

³ Там же.